
Р. Дерикот

Ангел тихий, ангел нежный
Погостил и улетел.
Снега белые одежды
Город трепетно надел.

Как она его любила...
Каждым нервом, жилкой каждой.
Сколько строчек посвятила
Этим улицам, пропахшим

По весне – сиренью влажной,
Лепестками абрикосов.
И «Рябинушке» протяжной,
И волшебным майским росам.

В росах этих степь купала,
Колдовала, ворожила.
Русь, как в сказке, называла
Воронцовой* и дарила
Каждому – кусочек солнца
Раскаленного в ладони,
Теплоту большого сердца
И души своей бездонной.

Всех согрела, всем хватило:
Ближним – дальним, старым – малым.
Как слезинка, жизнь скатилась
По щеке земли усталой.

В домике под старой крышей
Не найти её сейчас.
Нет, не там она, а выше –
В сердце каждого из нас.

И, как ангел тихий, нежный,
Поднялась над суетою
В бесконечности безбрежной –
Путеводною звездюю.

Мне приоткрылось вдруг окошко
Совсем в другие небеса.
Луною вытканной дорожкой
Шагнула я в забытый сад...

Там под кустом жасмина блёкнут
С кукушкой старые часы,
Там розовые флоксы в стёкла
Уткнули мокрые носы.

Там детства сладкий вкус каштели –
Зелёных яблок, груш и вишен.
Сверчки в траве засвиристели,
И месяц из-за тучи вышел.

А дедушка плетёт корзину,
Бормочет тихо: – Добрый кошък.
– Дедуля, это для малины?
А может, жить в ней будет ёжик?

– Не, то для яблэк ти картопли,
Ты ягады збирай у шклянку.
Сандалики давно промокли,
А я всё рву малину в банку...

Ладошки липкой взмах прощальный,
Сама себе скажу: «До встречи!»
Той, пятилетней, беспечальной,
Наивной девочке беспечной.

* Воронцы – степные тонколистные пионы.

Если вера могла бы возрастать с каждым камнем весомым,
Что ложился в фундамент Ильинского нового храма...
Но была пустота в моём сердце, с Тобой незнакомым.
В белорусскую землю ещё не легла моя мама.

От подножья распятия до звонкого купола эхо
Песнопений, горячих молитв долетает и выше,
В горний мир, прямо к воинам света в блестящих доспехах.
Там, вверху, обязательно эти молитвы слышат.

Через скорби Господь на меня обернулся, потери.
Мой Утешитель кроткий и Радость моя неземная.
Отчий дом, храм Ильинский всегда отворяет мне двери,
Колокольными звонами сердце моё пробуждая.

Щебет птиц на рассветном лугу
Тонко струны души перебрал.
Мой июнь в тополином снегу
Нежно в сердце опять зазвучал.

Вот ещё один год позади.
Жизнь летит, как журавль в небесах.
И синица в руках не сидит,
И кукушка умолкла в часах.

Но внезапно гармонию птичью
Гулким эхом вспугнуло «ку-ку».
Упорхнула из клетки-темницы
И встречает меня на лугу.

– Ты скажи, сколько дней мне осталось
Постигать этот трудный урок?
Призадумалась, раскуковалась:
– Знает Бог, знает Бог, знает Бог.

*« ...Ибо сто и пятьдесят,
то есть язычники и иудеи,
пойманы не без трех, так
как без веры в Троицу никто
не называется уловленным...»
Блаженный Феофилакт
Болгарский*

Море? Нет – озеро. Но вода
Цвета морской волны.
Божии частые невода
Тянут из глубины

Рыб серебристых больших. Числом
Сто, пятьдесят и три.
Слово пылает во тьме огнём.
– Пётр, там Господь, смотри!

Сердце готово. Робеет плоть –
Страшная высота.
В сети Твои я плыву, Господь,
Рыбой – одной из ста.

Воронеж меня проворонил,
А Полоцк – не смог полонить.
Не стал мне заслоном мой Слоним,
От бед и невзгод защитить,

Обнять нежно-нежно, как мама.
Сказать: – Не пушу никуда.
Но снились мне дальние страны,
Дороги, моря, города.

Казалось, что счастье тем ближе,
Чем дальше уедешь от дома.
Уехала. Небо здесь ниже,
И говор певуч незнакомо.

Всё здесь: мои радость и горе,
Широкая жизни дорога,
Степей росошанских просторы,
Тропиночка узкая к Богу.

Небывальщина

Перешла я небо вброд.
Облака плывут по речке,
Словно белые овечки,
Ангел белый их пасёт.

Вместо нитки солнца луч
Я заправила в иголку.
Звёзды вышила на ёлках,
Пусть сияют из-за туч!

Испекла я каравай
Из муки небесной, манной.
Каравай мой сдобно-пряный,
Всё, что хочешь – выбирай!

Хочешь, леденцовый дом,
Где на пряничной лужайке
Солнечные пляшут зайки,
Будем их ловить сачком.

Радость хлещет через край,
Подставляйте чашки, души.
А не люблю, так не слушай,
Просто чашку подставляй.

Перешла я небо вброд.
Облака плывут по речке,
Словно белые овечки,
Ангел белый их пасёт.

На заутрене пение слышится, словно с небес.
Долго-долго звучит в моей тихой душе это чудо...
Среди хмурых людей ходит Тот, кто однажды воскрес,
Но не видят Его и не знают, явился откуда.

Даже если открылся бы Он и в сиянье сказал:
«Я пришёл от Отца вас избавить из вечного ада»,
Каждый третий в толпе, окружившей Его, пожелал:
«Сотвори нам вина и хлебов, а спасенья – не надо!»

«Да любите друг друга...» твердишь, мы забыли любовь.
Говоришь о «...блаженных, которые нищие духом...».
В этом мире в почёте богатство! И требуют вновь:
«Сотвори нам вина и хлебов, проповедуй старухам!»

И толпа закричала бы снова, как прежде: «Распни!»
Выбирая Спасителю – крест, а Варавве – свободу.
В час шесты прокуратор промолвит: «В Нём нету вины...»
Но что делать? Не спорить же с этим безумным народом».

Мне привиделось это однажды, как в сумрачном сне.
Бред то был или сон... но я рада была, что очнулась.
Купола и кресты Божьих храмов сияют во тьме.
Мы вернулись туда, и в сердца наши вернулась!

В старой доброй Европе пустуют Господни дома,
В них теперь тренажёрные залы и бары открыты...
Это мы проходили и помним, рассеялась мгла,
Над Россией моей колокольные звоны разлиты!

Родина-бабушка

Я – славянских кровей, оттого я в России, как дома,
Боль её у меня отзывается болью в груди.
Возле ветхой избы, ненадёжно укрытой соломой,
Моя бабушка Текля, устало согнувшись, сидит.

Сердце замерло. В детство, в далёкое детство рванулось,
Через речку Валобринку, поле, к родному порогу...
Но старушка чужая глаза подняла, улыбнулась,
– Накопала богато «картох», проживу, слава Богу.

Её рук узловатых, уроненных тяжко в колени,
Я коснусь осторожно, неспешную речь заведу.
И увижу в глазах её детских любовь и терпенье,
Те, что вызрели спелой антоновкой в старом саду.

– Сад богатый мы с мужем ещё до войны посадили,
Народили сынов, из самана построили дом.
Бедно жили и трудно, но счастливы, счастливы были,
А потом... похоронка и слёзы в подушку тайком.

На сиротах и вдовах, убогих, каликах, юродивых
Выживала Россия и вновь поднималась с колен.
Для меня незнакомая бабушка эта, как Родина!
За любовь и терпенье её что я дам ей взамен?